

... 12 апреля 1961 года навсегда останется в моей памяти как солнечный день, наполненный неимоверным восторгом и захлестывающей гордостью за страну. Разумеется, занятия в школе были прерваны, и всем шестым классом мы ринулись на улицу Горького, уже заполненную толпами ликующих москвичей. На «информационных окнах» здания редакции газеты «Известия» уже появились фотографии улыбающегося Гагарина в обычном авиационном шлеме. Но к вечеру его заменили на знаменитый портрет героя в космическом скафандре. Ракеты, спутники и все, связанное с космосом, было окутано тайной, и мы, мальчишки, невольно задавались вопросом: а как же газетчики заранее узнали о Гагарине и даже столь оперативно смогли заполучить его портрет?

И только у одного нашего одноклассника это не вызывало вопросов. В нашем классе учился сын известного фотокорреспондента «Известий» Александра Моклецова, имевшего допуск к освещению советской космической программы и, соответственно, тесно общавшегося со всеми представителями этой отрасли и, разумеется, с космонавтами. Его сын Дима иногда по секрету показывал нам «контрольки» — мини-отпечатки с негативов, привезенных его отцом из очередной командировки. С восхищением, от причастности к огромной тайне, мы — избранные приятели — рассматривали их через лупу, пытаясь разглядеть иногда попадавшиеся на фоне фигур непонятные конструкции и угадать, кто из запечатленных мог быть следующим космонавтом...



«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Так случилось, что вскоре после триумфального завершения полета Германа Степановича Титова я тоже смог с гордостью рассказывать в школе и всем знакомым, что и мой пapa видел второго космонавта планеты и даже здоровался с ним за руку. Мои родители работали на Центральном телеграфе — буквально в двух шагах от нашего дома у Елисеевского магазина. В здании телеграфа размещалось Министерство связи СССР и «радиоцентр» — студия звукозаписи, откуда в войну зачитывал сводки Совинформбюро Юрий Левитан. Однажды вечером отец пришел с работы в радостно-возбужденном настроении и рассказал, что, выходя из подъезда телеграфа, он увидел, как из машины выходит Герман Титов в форме и направляется к дверям. В замешательстве и не веря своим глазам отец и несколько случайных прохожих застыли в изумлении. Герман Степанович остановился и сказал: «Добрый вечер, товарищи!» Потом протянул руку и поздоровался со всеми из оказавшихся рядом людей. Причем он улыбался и, пожимая руку, смотрел в лицо и говорил каждому: «Здравствуйте!» Мой пapa был потрясен и с восторгом в



течение долгого времени вспоминал и рассказывал, как «сам Титов — второй космонавт Земли — вот так запросто поздоровался за руку с незнакомыми ему людьми». Этот эпизод стал горячо обсуждаемым событием среди 37 жильцов нашей коммунальной квартиры и поднял мой статус в школе почти до уровня сына Моклецова. Я был горд, что мой пapa видел самого Титова и мечтал, что, может быть, когда-нибудь повезет и мне и я увижу наяву героев-космонавтов!

...Шел 1989 год. В стране круто набирала обороты перестройка со всеми вытекающими из этого экономическими проблемами. В Ташкенте проходил 8-й симпозиум «Человек в космосе» под эгидой Международной академии астронавтики (МАА) с участием огром-



ного количества иностранных гостей. Было решено организовать посещение космодрома группой иностранцев.

На подлете к космодрому все вглядывались в желтоватый пейзаж с изредка разбросанными строениями без явных атрибутов цивилизации и крупнейшего в мире космического центра. Нас встречала группа генералов и старших офицеров во главе с генерал-полковником авиации Германом Титовым.

ОТ ГЕРМАНА ТИТОВА

Потом был «Гагаринский старт» — площадка № 1. Титов вежливо отказался позировать для фотографирования с гостями на фоне знаменитых ступеней, ведущих к лифту, но не возражал против того, чтобы его снимали в рабочей обстановке. И уже здесь Герман Степанович сказал, что он и его сотрудники готовы ответить на любые вопросы, которые незамедлительно посыпались со всех сторон. Отвечая на вопросы и давая комментарии, Титов показал себя знающим хозяином и уверенно сыпал цифрами, перечисляя технические характеристики объектов. Затем делегация направилась на удаленную стартовую позицию ракеты-носителя «Энергия». Это было фантастическое зрелище: на фоне голубого неба и выжженной солнцем белесой степи высилась громадина 100-метро-

сказал: «Ну, господа, не перевелись еще богатыри на земле русской?!... Завершая осмотр, Титов заметил, что, будь он помоложе, обязательно бы слетал на такой машине!

По завершении визита, принимая слова благодарности и восторженные отзывы гостей о своем «хозяйстве», Титов изменил манеру общения. Если раньше он был сугубо строг и официален, то, уже прощаясь, Герман Степанович вошел в привычный для



вой башни обслуживания с комплексом «Энергия — Буран». Знакомство с комплексом на близком расстоянии производило не менее сильное впечатление: огромность поворотных ферм и конструкций, феноменальная масштабность газоотводных каналов и сказочная мощь ракеты-носителя с уже выполнившим космический полет легендарным «Бураном» поразили иностранцев. Герман Степанович, обратившись к гостям, гордо и с щедрой

нас образ улыбающегося и обаятельно-го народного любимца. Только в самолете я понял, какой груз политической ответственности лег на плечи Германа Степановича! Ведь он должен был не только продемонстрировать «товар лицом», но и показать, что, несмотря на тревожные слухи о кризисе советской космической программы, отрасль обладает адекватным потенциалом и здесь обеспечивается четкое управление. И было уже не до улыбок!

...Рабочая программа очередного XII Международного конгресса 1996 года в Канаде была чрезвычайно насыщена. Делегация астронавтов и космонавтов, завершив трудный день в Монреале, направлялась в Квебек, где предстоял прием на борту ракетного фрегата канадских ВМС «Оттава». В автобусах было свободно, и космонавты распо-



ложились рядом со своими супругами, предвкушая пару часов дремотного отдыха. Герман Степанович в этой поездке был без жены и удобно устроился на двух креслах. Затянутая было кем-то из наших визборовская мелодия «Над Канадой, над Канадой солнце низкое садится...» быстро приутихла.

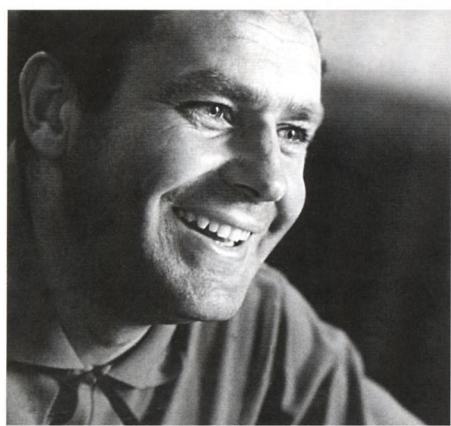
Неожиданно, вынырнув из полумрака автобуса, к Герману Степановичу подсела молоденькая американка из свиты околосоюзных журналистов.

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ

Она бегло говорила по-русски, специализировалась в социологии и с первых дней все подбиралась к космонавту № 2, но ситуация не позволяла. Застигнутый врасплох, Герман Степанович галантно вынужден был потесниться и начать отражать шквал вопросов-суждений относительно текущей ситуации у нас в стране и исторической роли России в мировом сообществе. Девица все щебетала, и я уже было собрался вмешаться, чтобы как-то уговорить ее, но Герман Степанович мягко прервал соседку и спросил, любит ли она поэзию? Американка озадаченно умолкла, а Титов спокойно и артистично



начал читать по памяти «Евгения Онегина». Глава сменяла главу, а Герман Степанович все не останавливался и продолжал декламировать. Титов читал даже не вошедшие в хрестоматии главы романа. Не удержавшись, я обернулся и подсмотрел: Герман Степанович,



Прием у президента Кеннеди продлился больше положенного...



Герой космоса в гостях у артековцев, 1961 г.

слегка откинувшись и полузакрыв глаза, размеренно тихим баритоном читал гениальные строки. Так пролетели два незабываемых часа: канадский «хайвэй» с огнями встречных автомобилей, полный автобус дремлющих по соседству покорителей космоса и бессмертные пушкинские строки в мастерском исполнении космонавта № 2 планеты Земля!

Уже по прибытии в Квебек Герман Степанович подал феминизированной американке руку, чтобы помочь ей выйти из автобуса, и, как бы предвосхищая дальнейшие вопросы, произнес: «Вот, девочка, умом Россию не понять...» Журналистка, наверняка не уловив сакрально-мистического для россиян смысла тютчевских строк, призналась, что будет рассказывать об этом эпизоде своим детям и внукам...



О себе в тот момент скажу коротко — я был потрясен. Масштаб личности впечатлял и нависал надо мной как целое мироздание.

...У нас случайные люди в космос не летали!

Леонид Журни